

17. Романов А.А. Политическая лингвистика. Функциональный подход / А.А. Романов. – Москва, Тверь, 2002. – 205 с.
18. Селезнева Г.Я. Политическая фразеология: учебно-методическое пособие / Г.Я. Селезнева. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. – 72 с.
19. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / Под ред. Т.Н.Ушаковой, Н.Д.Павловой. – СПб., 2000. – 320 с.
20. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.
21. Чудинов А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. – М.:Флинта, 2012. – 256 с.
22. Седых А.П. Идеологические элементы фразеологии политического руководителя / А.П. Седых. – Политическая лингвистика, 2012. – № 1.
23. Dijk van T.A. What is Political Discourse Analysis? / T.A. van Dijk // Political linguistics / ed. by Blommaert. – Amsterdam, 1998. – P.68-79.

Summary

The aim of the article is to reveal phraseological units which refer to political sphere. The author attempts to identify the phraseological units on the material of political debates and to define their evaluation component. The topicality of studied theme is stipulated by the fact that these phraseological units are frequently used because politics represents such a field of human activity which will always be extremely popular.

УДК 81-112.2

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ ЗАЛОГОВЫХ ФОРМ

Жук В.А.

Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова

В ходе развития английский язык прошёл ряд этапов, которые характеризовались количественными и качественными изменениями на всех уровнях языковой системы. Поскольку язык – это динамичная, непрерывно развивающаяся система, то понимание теоретической сущности большинства языковых фактов в их развитии возможно лишь в ходе диахронического анализа. **Целью** данной работы является определение путей и закономерностей становления залоговых форм английского языка в исторической ретроспективе.

Общепринятого определения категории залога в языкознании нет. В понятие залога разными исследователями вкладывается противоречивое содержание. До сегодняшнего дня спорными остаются: само определение категории залога, количество форм залога и их качественная характеристика, понятие семантической однородности / неоднородности форм залога, характер залоговых оппозиций и многие другие теоретические вопросы [4;17]. Традиционно залог определяется как грамматическая категория глагола, основанная в семантическом плане на возможности несовпадения логической (субъект → предикат → объект) и синтаксической (подлежащее → сказуемое → дополнение) направленности действия [11]. На морфологическом уровне категория залога представлена формами действительного и страдательного залогов (актив — немаркированный член оппозиции, пассив представлен аналитической формой — сочетанием вспомогательного глагола to be и причастия II знаменательного глагола) [3]. Категория залога непосредственно связана с категорией переходности / непереходности глаголов, хотя в современном английском языке нередки случаи, когда эта связь представляется относительной. Для сопоставления неоднородных залоговых форм используется понятие диатезы – соответствие между ролями компонентов глагольной лексемы и выражающими их членами предложения [3].

Современная английская система залога характеризуется наличием ряда специфических черт, зачастую несвойственных другим, даже наиболее близким к английскому языкам [1]. Эти особенности являются непосредственным результатом процесса развития языковой системы, обусловлены явлениями и фактами, которые имели место на более ранних этапах становления английского литературного языка. Поэтому исчерпывающий анализ современных залоговых форм английского языка без изучения их в диахронии невозможен. Все вышперечисленное обуславливает **актуальность** исследования.

Рассмотрим систему залога в общеиндоевропейском и готских языках.

Индоевропейский глагол имел некоторые особенности, не сохранившиеся в полном виде ни в одном из древнейших индоевропейских языков и восстанавливаемые методами внутренней и внешней реконструкции.

Система залога представлена в общеиндоевропейском языке действительным и средним (медиальным) залогом. Формы, восходящие к индоевропейскому медию, среднему залогом, отражены только в парадигме настоящего времени готского медиопассива, выражавшего действие, направленное на подлежащее и исходящее при этом либо из внешней среды, либо от самого подлежащего. Формы медиопассива предположительно существовали в протогерманском языке и получили широкое распространение в готском. От всякого переходного глагола в готском могли образовываться в настоящем времени формы этого средне-страдательного залога [9] (см. табл.1).

Таблица 1.

Индикатив (изъявит. наклонение)							
д. ч.	Е	1	ni	nasj	sa	h	hai
	л.	mada	ada	lboda	abada	tada	
	2	ni	nasj	sa	h	hai	
	л.	maza	aza	lboza	abaza	taza	
	3	ni	nasj	sa	h	hai	
	л.	mada	ada	lboda	abada	tada	
н. ч.	М	1	ni	nasj	sa	h	hai
	—3 лл.	manda	anda	lbonda	abanda	tanda	
Оптатив (сослаг. наклонение)							
д. ч.	Е	1	ni	nas	sa	h	hai
	л.	maidau	jaidau	lbodau	abaidau	taidau	
	2	ni	nas	sa	h	hai	
	л.	maizau	jaizau	lbozau	abaizau	taizau	
	3	ni	nas	sa	h	hai	
	л.	maidau	jaidau	lbodau	abaidau	taidau	
н. ч.	М	1	ni	nas	sa	h	hai
	—3 лл.	maidau	jaidau	lbondau	abaindau	taindau	
Инфинитив			ni	nas	sa	h	hai
		man	jan	lban	aban	tan	
		братъ	слышать	мазать	иметь	называть	

В древнеанглийском языке не существует такой системы. Древнеанглийские глагольные формы часто сопоставляются именно с готскими, поскольку готское евангелие IV в. представляет собой самый ранний связный текст на каком-либо германском языке. Следует иметь в виду, что готский язык не во всех отношениях отражает раннее историческое состояние германских языков, так как у него есть и свои специфические особенности. При сопоставлении древнеанглийской системы глагола с системой готского текста Вульфилы, становится очевидным, что в древнеанглийском произошли по сравнению с готским существенные изменения, свидетельствующие о сокращении флективной системы и о выдвижении новых способов выражения глагольных категорий [10].

Говорить о медиопассиве в применении к древнеанглийскому языку не приходится. Однако в этом языке сохранился изолированный пережиток системы медиопассива, которая, существовала в эпоху, предшествующую древнейшим памятникам, дошедшим до нас. Этот единственный остаток – две формы от сильного глагола VII класса *hatan* “называть” – форма ед. ч. 1 и 3-го лица *hatte* и форма множественного числа *hatton*. Форма *hatte* этимологически точно соответствует готской форме *haitada*, а форма *hatton* образована от неё по аналогии с формами множественного числа прошедшего времени слабых глаголов [10:122]. Эти формы встречаются в древнеанглийском языке в значении как настоящего, так и прошедшего

времени наряду с активными формами того же глагола: *þa ea þa hatte Araxis* “та река, что называется Аракс”.

Будучи изолированным остатком системы флективного медиопассива, формы *hatte* и *hatton* не могут считаться органической составной частью системы глагола в древнеанглийском языке. Они стали особенностью одного единственного глагола, т.е. полностью лексикализировались.

В древнеанглийском не было особых пассивных форм глагола. Значение пассива передавалось синтаксически с помощью именного составного сказуемого, представлявшего собой сочетание глаголов-связок *beon* и *weorþan* с причастием II переходных глаголов. Как известно, значение пассивности свойственно самому причастию II от переходных глаголов, выступающему в функции предикативного члена. Именно это значение причастия и создавало специфическую пассивную окраску именного сказуемого, в состав которого оно входило [10].

Что касается различий между формами сказуемых с *beon* и *weorþan*, то они определяются различием в семантике этих глаголов-связок. Как известно, глаголы-связки лишь частично утрачивают своё лексическое значение и приобретают обобщённое грамматическое значение, однако их грамматическое значение не столь абстрагировано от лексического, как у вспомогательных глаголов, а потому и сохраняется различие в семантике этих сочетаний: *þær wearþ Ordheh cyninzes þezn ofslæzen* (Коттонская хроника) “там был убит Ордхех, слуга короля”; *þæt zeweorc zeworct wæs* “эта крепость была построена” [12].

Из этих двух форм, форма с *weorþan* передавала более чётко значение пассива. Этим объясняется количественный рост таких форм к концу древнеанглийского периода. Исследователи древнеанглийского пассива отмечают, что в начале периода употребление форм с *weorþan* составляло всего 10-13 %, а к концу периода – 35-40 % [8:168]. Составное сказуемое с *weorþan* + прич. II передавало только значение пассивного дей-я. Составное сказуемое с *wesan* (*beon*) и прич. II передавало: значение пассивного дей-я и состояния: *We synd āworpenē hider on þās deoran dālo* “Мы были изгнаны сюда в эти глубокие долины”; *Ðær wæron bollan steape boren* “Сюда были принесены высокие сосуды”.

Функционирование пассивных оборотов в древнеанглийском было относительно ограниченным: пассивный оборот с глаголом *beon* (*wesan*) употреблялся только от переходных глаголов, а с глаголом *weorþan* – только от переходных предельных: *his zestreon beoð eall āspended* (Паркерская хроника) “всё его имущество израсходовано” (переходный предельный глагол); *lyft wæs onhrered* “воздух двигался” (переходный непердельный глагол).

В.Н.Ярцева отмечает, что пассивные обороты в древнеанглийском в основном употребляются тогда, когда активно действующее лицо неизвестно или когда о нём предпочитают не говорить [8:169]. Агенса действия при пассивном обороте выражен в редких случаях. Если исполнитель действия представлен в предложении, то он выражается существительным или

местоимением в дательном падеже с предлогом *from* или *of*: *him wære from drihtne sylfum heofonlic zifu forziven* “ему был подарен самим господином небесный дар”.

Как альтернатива пассивным оборотам в случаях, когда конкретный источник действия неизвестен или по каким-либо другим причинам не указывается, в древнеанглийском языке употребляется активная конструкция с неопределённо-личным местоимением *man* (*men, me*) в роли подлежащего: *his broþur Horsa man ofsloz* (Коттонская хроника) “его брата Хорсу убили”.

В связи со спецификой значения и выражения пассивного значения, в древнеанглийском встаёт вопрос о том, можно ли считать, что в древнеанглийском существовали особые формы для выражения пассива – аналитические залоговые формы глагола. В англистике существуют два прямо противоположных мнения по этому вопросу. Сторонники наличия аналитических залоговых форм в древнеанглийском строят свои рассуждения на том факте, что обе формы могли быть употреблены в условиях, характерных для современного пассива, т.е. с показателями, подчёркивающими действие, процессуальность. Таких показателей отмечается обычно три: 1) наличие в предложении с пассивной формой глагола обстоятельств времени, места и образа действия; 2) наличие указания на исполнителя действия; 3) наличие соотносительных активных форм, выражающих действие. Эти три критерия, конечно, свидетельствуют о пассивном характере значения всего сочетания, но не могут быть решающими в определении того, имеет ли оно морфологический (аналитическая форма глагола) или синтаксический (составное глагольное сказуемое) статус. Для решения этого вопроса следует обратиться не только к анализу функционирования пассивной формы, сколько к анализу самой формы, ибо необходимо установить степень грамматической слитности её компонентов. Анализ той конструкции, с помощью которой передаётся пассивное значение действия в древнеанглийском, убеждает нас, что аналитических залоговых форм в древнеанглийском ещё не было [5].

Во-первых, в целом, для системы древнеанглийского глагола не характерно наличие аналитических форм. Древнеанглийский – это период по преимуществу синтетических средств выражения. Во-вторых, формы с *wesan* (*beon*) и *weorþan* различались по своему значению из-за специфики значения *wesan* (*beon*) и *weorþan*, которые в древнеанглийском выступали как связки, а не как вспомогательные глаголы. В-третьих, причастие II проявляет некоторую самостоятельность в пределах пассивной конструкции, что выражается в том, что предикативный член, как правило, согласуется в числе и роде с подлежащим: *we synd āworþene hider* “мы изгнаны сюда”. В данном случае причастие II *aworþene* выступает в форме им.п. мн. ч., т.е. согласуется в числе с подлежащим *we*.

Возможность согласования предикативного члена с подлежащим свидетельствует о наличии между ними непосредственной синтаксической связи, а это подтверждает самостоятельный статус причастия II на уровне членов предложения [6]. Наконец, немаловажным аргументом в пользу

синтаксического статуса пассивной конструкции в древнеанглийском является тот факт, что для членов пассивного оборота, как и для членов других словосочетаний в древнеанглийском, характерно дистантное расположение: *þāra heord him wæs þære neahte beboden* “стадо которого было ему в ту ночь поручено”; а также возможна препозиция предикативного члена по отношению к глаголу-связке: *hie þā ealle zezaderode wæron* “они все тогда собрались”.

Итак, анализ самого глагольного сочетания, состоящего из глаголов *beon* (*wesan*) и *weorþan* + прич. II показывает, что в древнеанглийском не было специальной аналитической формы для передачи залоговых отношений, а соответствующее значение передавалось составным именным сказуемым с более или менее чётко выраженными частями: глаголом-связкой и предикативным членом [8:170]. Признавая отсутствие аналитической формы пассива как элемента глагольной системы древнеанглийского языка, нельзя не отметить, что в отдельных случаях пассивные обороты древнеанглийского очень близки по значению, форме и характеру функционирования к формам современного аналитического пассива. Например: *þā wæs Hroðgare here-sped zyfen* (Песнь о Беовульфе) “тогда Хротгару была дарована военная удача”. Взятые изолированно, формы типа *wæron boren* могут рассматриваться как аналитические пассивные формы, так как причастие в них не согласуется с подлежащим. Однако примеры такого рода свидетельствуют лишь об определённой тенденции развития, о зарождении новой формы. Подобные формы малочисленны и не вступают в системные отношения с морфологическими глагольными формами [2].

Таким образом, древнеанглийская система глагола характеризуется отсутствием специальных форм залога. Значение пассивности передаётся при помощи свободных синтаксических сочетаний, которые не обладают достаточной слитностью компонентов и, следовательно, не являются аналитическими формами страдательного залога, соотносимыми с формами актива.

Рассмотрим формы залога в среднеанглийский период. А.И.Смирницкий указывает, что в среднеанглийский период пассивная конструкция используется шире по сравнению с древнеанглийским, хотя, по его мнению, в среднеанглийском ещё рано говорить о наличии аналитического пассива, параллельного активу и входящего в систему спряжения глагола [15:124]. Аргументируется это тем, что в среднеанглийском в пассивных конструкциях ещё нет единообразного способа выражения деятеля, необходимого для того, чтобы пассив вошёл в систему спряжения глагола как одна из аналитических форм. В среднеанглийском, в отличие от современного языка, для выражения деятеля всё ещё употребляются различные предлоги – *from, thurgh, of* и др.

Однако вышеупомянутое обстоятельство не мешает утверждать, что именно в среднеанглийский период происходит становление аналитических пассивных форм глагола. Процесс морфологизации бывших синтаксических конструкций связан с целым рядом изменений в организации пассивных

форм, которые происходили в это время. Дальнейший процесс грамматизации приводит к полной утрате лексического значения глаголом-связкой и к превращению его во вспомогательный глагол. Этот процесс затрагивает как глагол *wesen* (*ben*), так и глагол *wurthen* (д.а. *weorþan*). Исчезает разграничение этих форм по значению, которое отмечалось в древнеанглийском. Одновременно с окончательной утратой глаголами *wesen* (*ben*) и *wurthen* своего лексического значения исчезает и согласование бывшего предикативного члена с подлежащим. В среднеанглийском причастие теряет падежные окончания и становится неизменяемой формой [15].

Благодаря этим двум важнейшим изменениям в среднеанглийском возникает аналитическая форма пассива, характеризующаяся неразрывной слитностью её частей, из которых первая полностью лишена своего лексического значения и которые в совокупности передают значение пассива: *and that was sayd in forme and reverence* (Chaucer) “и это говорилось вежливо и почтительно”; *noght was foryeten by th' infortune* (Chaucer) “ничто не было обойдено несчастьем”.

Как видно из приведённых примеров, для среднеанглийского характерно контактное расположение членов аналитической глагольной формы. Это также рассматривается как одна из черт, свидетельствующих о появлении в этот период аналитической формы страдательного залога. Однако, постановка причастия II перед вспомогательным глаголом всё ещё возможна, но только в поэзии: *I wolde han told yow fulle the manere, How wonnen was the regne of Femenye by Theseus* (Chaucer) “Я хотел бы рассказать вам подробно, как было завоёвано Тезеем королевство амазонок”. Вновь возникшая аналитическая форма стремится занять своё место в системе глагольных форм. К концу периода появляются аналитические пассивные формы для всех времён группы Indefinite, для группы Perfect, а также пассивные формы инфинитивов этих групп: *The tresoun that to wommen hath ben do* “измена, которая была сделана по отношению к женщинам”; *with many a tempest, hadde his berd been shake* “его борода была овеяна многими бурями”; *He knew wel that Troye shoulde destroyed be* “Он хорошо знал, что Троя будет разрушена”; *I nolde to han be crowned quene of al the lond* (Chaucer) “Я не хотела бы стать коронованной королевой всей земли” [14].

Итак, с самого начала среднеанглийского периода уже существуют две параллельные аналитические формы пассива: «*wesen* + прич. II» и «*wurthen* + прич. II». Однако вторая форма была недолговечной, ибо глагол *wurthen* в течение среднеанглийского периода вообще перестал употребляться, сначала на севере и на востоке, а к концу периода – на юго-западе. У Чосера форма с *wurthen* не употребляется [8:172]. Исчезновение глагола *wurthen* в пассивных формах глагола связано с тем, что он перестаёт функционировать как самостоятельный полнозначный глагол. Исчезнув, он не сохраняется и в служебных функциях: в качестве вспомогательного глагола для образования форм пассива и будущего времени. К концу среднеанглийского периода

сохраняется только аналитическая пассивная форма глагола с вспомогательным глаголом *wesen (ben)*.

На всём протяжении истории английского языка некоторые черты синтаксиса, характерные для германских языков в целом, оказываются устойчивыми. Такими неизменными чертами английского предложения являются номинативность и глагольность. Номинативный строй предложения характерен для английского языка [7]. В древнеанглийском подлежащее в предложении выделяется особым падежом – именительным, независимо от характера сказуемого. В сказуемом основную роль играет глагол, без которого оно не может существовать; даже для именного сказуемого обязателен глагол-связка. Несмотря на устойчивость указанных синтаксических черт, номинативность и глагольность предложения в среднеанглийский период испытывают некоторые изменения, благодаря которым значительно изменяется сочетаемость пассивной формы глагола.

Первое из этих изменений – исчезновение форм дательного и винительного падежей существительного, переход к двухпадежной системе. Второе изменение является непосредственным следствием первого: исчезновение чёткого различия между переходными и непереходными глаголами. В результате появляются предложения со сказуемым, выраженным пассивной формой глагола, в которых подлежащее соответствует беспредложному косвенному дополнению или предложному дополнению активных конструкций: *þe duke Mylon was geven hys lyff* “герцогу Милону была дарована жизнь”; *þes oþir wordis of þis bischop ouzte to be taken hede to* “и на другие слова этого епископа нужно обратить внимание”.

Возможность употребления беспредложного косвенного дополнения активных конструкций в качестве подлежащего при пассивной форме глагола объясняется двумя причинами. Во-первых, отсутствие окончаний у существительных сделало невозможным разграничение прямого и косвенного беспредложных дополнений по формальному признаку. Во-вторых, переход к прямому порядку слов создал предпосылки к восприятию слова, стоящего на первом месте в предложении (перед глаголом в личной форме), в качестве подлежащего. Так, в предложении *þe duke was geven hys lyff* первое существительное не имело формальных признаков дополнения и было воспринято как подлежащее, так как оно стояло на первом месте в предложении, перед личной формой глагола [16].

Употребление предложного дополнения активных конструкций в качестве подлежащего при глаголе в пассивной форме объясняется не только установлением прямого порядка слов, но и возникшей в среднеанглийском и полностью развившейся в ранненовоанглийский период тенденцией к созданию глаголов с закреплёнными предлогами, у которых предлог больше связан с глаголом, чем с последующим существительным. Тенденция употребления предлога в послеглагольной позиции в отрыве от управляемого им существительного (местоимения) проявлялась ещё в среднеанглийский период, однако только с глаголами в активном залоге. В

ранненовоанглийском предлог стал употребляться в дистантном, по отношению к существительному, положении и в предложениях с глаголом в пассивном залоге. Так возникли конструкции типа *The doctor was sent for*.

Для сравнения можно проанализировать сходные конструкции в немецком языке. Для современного немецкого языка характерно использование так называемого одночленного (безличного) пассива, в котором не называется ни носитель, ни прямой объект действия, присутствует только само действие: *Für das Kind ist gesorgt*. “О ребёнке позаботились”. В данном предложении нет подлежащего; глагол *sorgen* (заботиться) является объектным непереходным, поэтому существительное *das Kind*, хотя и стоит в винительном падеже, выполняет роль *косвенного* дополнения, на это указывает и предлог – *für* [13:304]. В английском же языке наличие подлежащего обязательно: *The child has been taken care of*. Причём статус слова *of* в подобной ситуации можно понимать двояко: то ли оно является предлогом косвенного дополнения в финальной позиции, то ли послелогом при глаголе.

В XV в. такое употребление встречается всё чаще, однако преимущественно в письмах, т.е. там, где меньше сказывается влияние литературного стиля. С XVI в. эти предложения начинают использоваться в художественных произведениях. У Шекспира обе модели предложений представлены уже очень широко: *I was given a boke; This was look'd for at your hand; Let this fellow be look'd to*. (Shakespeare)

Одновременно с изменением содержания подлежащего в пассивной конструкции происходит и расширение правой сочетаемости пассивной формы: начиная с конца среднеанглийского периода глагол в пассивной форме может принимать прямое дополнение: *pe duke Mylon was geven hys lyff* “герцогу Милону была дарована жизнь”. Таким образом, ранненовоанглийский период характеризуется важнейшими изменениями в функционировании пассивных форм: они начинают образовываться не только от переходных, но и от косвенно-переходных и даже от непереходных глаголов, управляющих предложным дополнением.

В среднеанглийском резко возрастает количество случаев употребления “агента” действия при глаголе в страдательном залоге. Расширяется и группа предлогов, вводящих “агент” действия – *of, from, by, mid, through, with*: *he **was taught** of a clerke* “его обучал клерк”; *he **was** with prestes **shrive*** “он был монахами исповедован” (Chaucer). Самым распространённым предлогом в течение среднеанглийского периода был предлог *of*; с конца XIV в. он начинает вытесняться предлогом *by*. В ранненовоанглийском, однако, оба предлога представлены весьма широко [8:174]: *We **are** merely **cheated** of our lives by drunkards* (Shakespeare). Полная замена предлога *of* предлогом *by* происходит лишь к концу этого периода и связана с тем, что основным грамматическим значением предлога *of* становится значение атрибутивности. В результате предлог *by* получает право на монопольное выражение грамматического значения “агенса” действия при пассиве. В среднеанглийский период происходит значительная

грамматикализация пассивных словосочетаний, т.е. за бывшими синтаксическими конструкциями *wesen/wurthen* (д.а. *bēon/weorþan*) + прич. II закрепляется статус аналитических глагольных форм. Коренная перестройка английского синтаксиса внесла существенные изменения в сами способы функционирования залоговых форм, тем самым ещё более интегрировав их в систему глагола.

Рассмотрим развитие залоговых форм в новоанглийском языке. Номинативность приобрела иной характер. Падеж подлежащего в современном языке не является именительным за исключением небольшой группы личных местоимений. Существительные утратили различие между именительным, винительным и дательным падежами; субъектно-объектные отношения перестали выражаться грамматической формой существительного. Номинативность выражается не в выделении подлежащего особым – именительным падежом, а в том, что его форма независима от активности или пассивности сказуемого.

Изменения в выражении подлежащего, а также глагола-сказуемого привели к перестройке безличных предложений. В древнеанглийском безличные предложения могли не иметь подлежащего: ср. да. *him þuhte* “ему казалось”. В новоанглийском в глаголе-сказуемом указание на лицо и число субъекта стало менее дифференцированным и чётким, поэтому в безличных предложениях появляется обязательное подлежащее, выражаемое формальным – безличным местоимением *it*: *it seemed to him* “ему казалось”.

С изменениями в выражении подлежащего связано также развитие предложений с подлежащим, обозначающим косвенный объект действия, и с прямым дополнением при глаголе в страдательном залоге. Как известно, в различных индоевропейских языках наблюдается определённый параллелизм между прямым дополнением активной конструкции и подлежащим пассива. Например, в русском языке: *Я читаю книгу* и *Книга читается мною*.

Для современного английского языка характерно иное соотношение: подлежащее пассивной конструкции может соответствовать не только прямому, но и косвенному дополнению актива. Ср.: *She gave the boy a book* “она дала мальчику книгу” и *The book was given to the boy* “книга была дана мальчику”, но и *The boy was given a book* “мальчику дали книгу”.

Предложения последнего типа появляются лишь в новоанглийском. Их развитие связано с утратой падежных различий у существительных, образованием формы общего падежа для выражения объектно-субъектных отношений, и дальнейшей фиксацией и грамматикализацией порядка слов [15:203]. Такое осмысление предложения, когда косвенное дополнение активной конструкции становится подлежащим в пассивной, было возможно потому, что в среднеанглийском ещё не было строгой фиксации порядка слов, характерного для современного языка, и косвенное дополнение со стилистическими целями (в эмоционально окрашенной речи) могло быть перенесено в начало предложения. Синтаксическая функция косвенного дополнения в данном случае выражалась не порядком слов, а формой самого слова: при замене существительного соответствующим местоимением

последнее ставилось в объектном падеже *Him was given a book* “ему была дана книга”.

Дальнейшее развитие английского языка приводит к строгой фиксации порядка слов: подлежащее – сказуемое – косвенное дополнение – прямое дополнение. В таких условиях происходит переосмысление конструкции *The boy was given a book*: прежнее косвенное дополнение (*the boy*), по своей форме не отличающееся от подлежащего (оба выражены общим падежом) благодаря занимаемому в предложении месту – в начале предложения, перед сказуемым, – начинает рассматриваться как подлежащее, а прежнее подлежащее (*a book*) осмысляется как прямое дополнение. В результате такого переосмысления даже в тех случаях, где была возможность дифференциации (противопоставление именительного и объектного падежа у местоимений), форма объектного падежа начинает заменяться формой именительного: *Him was given a book* заменяется на *He was given a book*. Так в современном английском языке развивается и получает распространение пассивная конструкция с подлежащим, обозначающим непрямым объект действия.

Подводя итог, заметим, что английский язык унаследовал двухграммемную категорию залога, общую для индоевропейских языков, из протогерманского языка-основы. Хотя уже в древнеанглийском языке так называемый синтетический медиопассив (аналог современного страдательного залога) был представлен лишь единичными реликтовыми формами.

Итак, можно сделать следующие **выводы**. Древнеанглийский период характеризовался использованием сочетаний глагола-связки и причастия II для выражения действия, совершаемого над подлежащим. Однако говорить о наличии в древнеанглийском аналитических форм страдательного залога ещё слишком рано. Этому есть несколько причин: 1) дифференцированное использование глаголов-связок *beon* и *weorþan* указывает на степень их грамматизации, недостаточную для признания этих глаголов вспомогательными; 2) причастие II имело относительную синтаксическую самостоятельность в рамках пассивной конструкции; это выражалось в согласовании причастия с подлежащим в числе и роде; 3) расположение членов пассивной конструкции в предложении допускало определённую дистантность и даже препозицию причастия по отношению к глаголу-связке. Всё это позволяет с большой долей уверенности считать конструкции “глагол-связка + прич. II” скорее синтаксическими образованиями, чем аналитическими залоговыми формами глагола. Тем не менее, сам вопрос о статусе подобных сочетаний до сих пор остаётся открытым.

В среднеанглийский период происходит становление аналитической формы пассива, которой присуща неразрывная слитность её частей, в совокупности передающих значение пассивности. Упрощение парадигм существительных в этот период объясняет возможность употребления беспредложного косвенного дополнения активных конструкций в качестве подлежащего при пассивной форме глагола, что является характерной чертой

среднеанглийского синтаксиса. Предложения подобного типа окончательно укоренились и получили широкое распространение в английском языке только в новоанглийский период.

Литература

1. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка / М.Я. Блох. – М.: Высшая школа, 2000. – 381 с.
2. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики / М.Я. Блох. – М.: Высшая школа, 1999. – 356 с.
3. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст / А.В. Бондаренко. – Л.: “Наука”, 1971. – 194 с.
4. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий / А.В. Бондаренко. – Л., “Наука”, 1976. – 211 с.
5. Гончаренко П.Г. Становление аналитических конструкций в английском языке (перфектные, пассивные и футуральные формы): [Текст]: автореф. дис. на соискание научной степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 “Германские языки”/ Полина Георгиевна Гончаренко [Белгородский гос. ун-т]. – Белгород, 2009. – 21 с.
6. Долгова О.В. Синтаксис как наука о построении речи / О.В. Долгова. – М.: Высшая школа, 2000. – 165 с.
7. Зернов Б.Е. Взаимодействие частей речи в английском языке. Статико-динамический аспект / Б.Е. Зернов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 2006. – 125 с.
8. Иванова И.П., Чахоян Л.П. История английского языка [Учебник. Хрестоматия. Словарь] / И.П. Иванова, Л.П. Чахоян. – СПб.: Издательство “Лань”, 1999. – 353 с.
9. Ивашкин М.П. Синхронно-диахронический анализ переходных процессов в английском языке / М.П. Ивашкин. – М., 2008. – 171 с.
10. Ильиш Б.А. История английского языка: [Учебник] / Б.А. Ильиш. – М.: Астрель, 2000. – 192 с.
11. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка (на англ. языке) / Б.А. Ильиш. – М.: Просвещение, 1995. – 397 с.
12. Иофик Л.Л., Чахоян Л.П. Хрестоматия по теоретической грамматике английского языка / Л.Л. Иофик, Л.П. Чахоян. – Л.: Просвещение, 1967. – 213 с.
13. Паремская Д.А. Немецкая грамматика / Д.А. Паремская. – М.: ВШ, 2000. – 350 с.
14. Расторгуева Т.А. История английского языка: [Учебник] / Т.А. Расторгуева. – М.: Высшая школа, 1983. – 278 с.
15. Смирницкий А.И. Лекции по истории английского языка (средний и новый период) / А.И. Смирницкий. – М.: “Добросвет”, 1998. – 223 с.
16. Типология германских литературных языков. – М.: Наука, 1976. – 249 с.

17. Хаймович Б.С., Роговская Б.И. Теоретическая грамматика английского языка (на англ. языке) / Б.С. Хаймович, Б.И.Роговская. – М.: Высшая школа, 1997. – 298 с.

Summary

The given article is dedicated to the development of Passive Voice in its historical perspective. The author states that modern English system of Passive Voice is characterized by some specific features which are a direct result of the language system development. These features occurred due to key events and facts in the earlier stages of the English literary language. Therefore, analysis of contemporary Passive Voice forms without studying them diachronically is impossible.

УДК 811.111'342.9:808.51(043.3)

ВАРИАТИВНОСТЬ СТЫКОВЫХ СОГЛАСНЫХ В АНГЛИЙСКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ

Иванова О.

Одесский государственный экологический университет

Вопрос о вариативности структуры сочетаний согласных звуков является одной из актуальных проблем при изучении английского консонантизма. Согласная фонемная комбинаторика, в частности, на материале британского варианта английского языка неоднократно становилась объектом исследования лингвистов [5; 7; 8; 9; 12]. В фундаментальном исследовании Г.П. Торсуева был определен примерный инвентарь теоретически возможных согласных кластеров, встречающихся как на стыках слов, так и в начале, в середине и в конце лексических единиц английского языка [3]. Дальнейшей разработке проблема определения фонетического инвентаря согласных сочетаний подверглась в работе Е.Г.Беляевской [1].

Однако при относительной исследованности состава согласных сочетаний проблема вариативности реализации их отдельных элементов продолжает оставаться актуальной. В особенности это относится к изучению структуры и «поведения» межстыковых кластеров, ввиду того, что в специальной научной литературе содержатся весьма скудные сведения по